

Лекарство от бессонницы

Рассказ-исповедь

Если вы думаете, что я хочу на кого-то пожаловаться, то это полная глупость. На кого? На свою бабу, с которой я прожил, чёрт знает, сколько лет? На нашу козу Маньку? На свою жизнь? Да мне, если ничего не случится, через месяц исполнится семьдесят восемь. Мой давнишний дружок, Витёк, мы с ём с первого по седьмой класс за одной партией сидели, мне уже давно говорил: «Вовчик, да мы с тобой ископаемые динозавры. Люди, по столыку, сколько мы с тобой, не живут!» А и действительно, из всего нашего класса мы уже давно с ним вдвоём по жизни телепамся...

Ну, так вот, я о бессоннице. Если честно, пока я на ферме работал, да потом ещё сколько-то, у меня никакой бессонницы не было. Мечта была одна: только бы до койки добраться. А сейчас... Лежу, лежу, уже наш петух Петя кричать начинат, а я ещё и глаз не смыкал. И что вы думаете, что-то путное в голову лезет? Одна хрень, даже вам рассказать стыдно...

Ну, так вот, нашёл я лекарство. Примерно за час-полтора до отбоя наливаю не полный, ну, примерно на два пальца не доливаю, стакан. Пол-литровки как раз на три раза хватат. Хлоп! – и до утра сплю, как младенец. Одна беда: вставать тяжело. Но тут уже неволя – управляться надо. Хотя чего там управляться-то? Ведёрко с пойлом для козы Маньки отнести, да курям в кормушку сыпануть... В загоне у Маньки чего не чистить, не корова, гороху ейного и на лопату не наскребёшь. Но ведь какая дрянь, эта коза! Покуда пойло тянет, ещё ничо, а потом, ежели замешкаюсь, да спиной повернусь, так поддаст под задницу, ажно селезёнка ёкат! Не зря об таких говорят: «Не накормивши, да не напоивши, врага не наживёшь». Ну, да всё от того, что коза. Вы только в глаза ейные бесстыжие поглядите – одно слово – козья рожа!

С козой вообще история отдельная. У нас, покуда внуки на лето ездили, своя корова была, и бессонницы никакой не было. А потом подумали, куда нам двоим столько молока? Продали корову-то. А литрову баночку у соседей брали. Потом уж, когда и соседи без коровы остались, молоко начали из магазина брать...

Ну, так вот, говорю как-то бабке: «Ты бы сварила творожку своёго, магазинный невкусный какой-то»... Та, как словом, так и делом – приносит из магазина три пакета молока, выливат в кастрюлю, проквасить чтоб. А оно не киснет! Проходит неделя, а в кастрюле клейстер образовался, голубой, да вонючий! Я энту гадость даже собаке предлагать не стал – вылил на помойку. Вот после-то, в три дня, нашёл в деревне козу дойную, да и привёл на своё несчастье. Про магазинное молоко, когда спросил у агронома, так он говорит, что делают молоко из белого порошка – меламина называются. В Китае-то за энто меламина расстреливают – сильно вредный, говорят, а у нас ничо, будто так и надо...

А в нужник вот, с похмелья хоть не ходи. Рези такие, что из глаз больше вытечет... Всё от водки энтой, палёной. А куда деваться? Она ж у Таньки Кубометры почти вдвое дешевше, чем на витрине. Почему Кубометра? Да потому, что у ней – что вдоль, что поперёк, что сбоку – всё одинаково, а ножки тоненькие, будто от другой бабы... Но я с ей дружу. А как ещё? Она же и займы, под пенсию, даст. Продавщица она давнишняя, когда в магазине энтом ещё сельпо было... Это щас вывеска висит: «У Рустама». Свалил же на нашу голову Рустам энто... Магазин перегородил, отдельный вход сделал, там – «Шаурма». В шаурме два евонных земляка работают, круглосуточно. А магазин за стенкой – только до девяти вечера, потому как после девяти в магазин никто не хо-

дит. А кто придёт за шаурмой в два, в три часа ночи? Наркоту они там торгуют, а не шаурму. Управы на их нет...

А с водкой вообще беда. Со стаканом бабке на глаза хоть не попадайся. Сразу блажить начинат: «Когда же ты подохнешь, от водки энтой! – и крестится. – Хос-с-поди, ты боже ж-ж ты мой! Прос-с-сти ты мою душ-ш-шу греш-ш-шную!» «Ласточка ты моя подколодная! – говорю, – Да откуда ж у меня после молитвы такой здоровья прибавится?»

Витёк на ту беду как-то присутствовал, советует: «Чо ты, по-человечески в гараже, али в туалете выпить не можешь? Чо ты иё травишь, в глаза к ей со стаканом лезешь? А вообще, своя, родная бабка так вести себя не должна»... Я тоже так думаю, что не должна. Уж было сменить решил. В моём-то возрасте – ого! – вообще не проблема. Мужики-то все перемёрли, в деревне – через двор – бобылки да одиночки. Каку хошь выбирай. Ну, я-то мужик обстоятельный, с прицелом, пару приблизительных заходов сделал. И чо вы думаете? Одна хрень. Все бабы на свете одинаковые...

Ну, так вот... Моя-то бабка, по всему видать, или моё настроение на ейный счёт почувяла, али подслушала, как я в нужнике кряхтю да плачу, говорит как-то за ужином, участливо так: «Ты бы сходил в медпункт к фельшерице Жанне за таблетками снотворными, глядишь и водку пить не надо будет, болеть не будешь»... Ну, особого ума я за бабкой-то никогда не замечал, а тут прислушался...

Хотя, я Жанну энту совершенно без доверия принимаю. Высокая, красивая, в райцентре у Рустама живёт. Он ей иномарочку, чтоб к нам в деревню на работу ездить, подарил. У ней только и разговоров: «Мой муж, мы с мужем, мне муж»... Какой он ей муж? Маленький, толстый, губы вечно висят мокрые... И жена у его где-то в тёплых краях живёт, с ребятишками. Он к ей три раза в год ездит, деньги возит. Про Жанну Витёк точно сказал: «Лань породистая, да дура. Кабы небо чуток ниже было, так она бы от гордости его своим носом всё исцарапала».

Ну, так вот, мне выбирать не из чего. Надел чистые кальсоны, рубашку, что понаряднее, выбрал... Прихожу. Так, мол, и так, Жанна Валерьевна, рассказываю. А она, пустоглазая, смотрит сквозь, будто за моей спиной на стене картина красивая, а я вроде помехи: «Вам, дедушка, в районную больницу надо, к психиатру, она у нас врач опытная, нужные таблетки и выпишет». Такая у меня злость в груди поднялась! «Спасибо, – говорю, – Жанна Валерьевна, прям шас и бегу, ажно шуба от ветра заворачиватся! Что мне, дурачку, энти двенадцать километров не пробежать? Для бешеного волка и сто километров не круг!» Выскочил на улицу, а там ейная букашка розовая стоит. Хотел было пнуть, да передумал: машина-то здесь причём? Ну и в магазин к Кубометре за лекарством...

Раньше-то, когда я фермой заведовал, мне энта гадость и пововсе не нужна была. Ну, посудите сами. День в коровнике наволохашься, особенно в праздник: и за скотника, и за доярку, и за электрика, – народ-то весь в загуле... Домой приползёшь, а там свои две коровы, два быка годовалых, три поросёнка, овец десяток. Детей-то чем кормить? К ночи – только до подушки – никакого снотворного не надо. А утром с первым петухам подъём: у себя управишься по-быстрому, да на ферму. Там – сто двадцать коровок. Кормилицы. Они ж как дети – без ухода – никак...

А всё Струков Михаил Петрович, председатель колхоза. Ох, и мужик был, царство ему небесное! Людей насквозь видел. И берёг.

Я когда с армии вернулся, недели не прошло, вызывают меня в правление: «Вот что, Владимир Николаич, ты парень самостоятельный, рукастый, не пьющий. Назначаю тебя

заведовать фермой. Это приказ. А что молодой, так это скоро пройдёт. Помощь кака нужна будет – дорогу ко мне знаешь». А сам всё левый локоть простреленный поглаживат. По всему видать, болел он у него. И пальцы не гнулись, так грабелькой и были. В самом конце войны пулю получил. Ну, энто он со мной так. А вообще, с народом советовался. Нужда, к примеру, в детском садике возникла. Собирает Петрович собрание. Так, мол, и так. Вот смета. Всё за счёт трудодня. Берёмся? Кто за? Против-то и не был никто... И всё так: и мельница, и пекарня, и маслобойка... Да что там, как отец для всех был. Пока беда не пришла.

Энто в шестьдесят третьем... Нет, вру. В шестьдесят четвёртом. Или всё-таки в шестьдесят третьем? Ну, в общем, решением партии и правительства всех тунеядцев из Москвы выселили на сто первый километр. Но почему-то тридцать проституток прислали к нам ажно на четыре тысячи пятьсот первый километр. В старой школе сделали для них общежитие. На току работу определили: зерно перелопачивать. Места немного, потому работу разделили на три смены. А они не идут. В столовую три раза в день ходят, а на работу не идут. Ну, приехал из района секретарь Хорошавин, ответственный за агитацию... Пошли Струков с Хорошавиным уговаривать проституток на току работать. А те дверь на крючок и давай их насиловать. Часа через два, как уж заездили мужиков насмерть, выволокли их на крыльцо и снова заперлись.

Посудница из столовой пошла узнавать, почему красавицы на обед не идут. Вот и узнала. Они уж наобедались...

Мужики хотели было сжечь их живьём, да милиция из района вовремя подроспела, отстояли... А зачем? Я тоже думаю, зря... Ох, и горевал народ на похоронах... Бабы были – аж сердце на части рвалось...

Потом уж Плотникова прислали, Олега Алексеевича. Тот не местный был, майор из армии. Армию тогда сокращали – вот он у нас и оказался. Но тоже, не хуже Струкова – за людей, за порядок, за хозяйство. Себя не жалел... Мы при ём крепко поднялись. Коровник новый, из кирпича, построили, поголовье чуть не втрое увеличили. Тяжёлых работ не стало, механизация...

Ну, так вот... Успокоилось всё как-то и пристрастился я к рыбалке, из-за карасей. Если кто-то мне скажет, что есть рыба вкуснее, чем карась в сметане из русской печи – даже слушать не буду, потому как такой рыбы нет-ту! Косточки? А где вы рыбу без костей видели? Карася же надо есть не спеша, с расстановочкой... Вкус-то он не сразу подходит...

Карася у нас в пруду навалом. Но вот такой, с ладонь, да и побольше, ловится в одном только, узком, меж кустов, месте. Для двоих тесновато. Но, как ни стараюсь пораньше придти, там уже Семён Видьманов сидит. Будто с вечера не уходил...

Барахло своё поближе к себе подтянет, чтоб мне места, расположиться где, хватило, да спросит, когда в настроении: «Проспал опять? Или через бабу перелазил, да снова задержался?» Ну чо ему на энто скажешь? Только и остаётся, что крякнуть...

А однажды он разговор затеял: «Ты, Володя, как дочка у меня подрастёт, на ферму её к себе возмёшь?»

Надо сказать, что к тому времени на ферму устроиться стало уже непросто. И условия, и заработки не то, что, когда я начинал. «Да возьму, конечно, она умница и работающая, вся в тебя». А Видьманов, скажу я вам, мужик был редкостный. Здоровенный, как медведь, и в гараже колхозном умел всё: и на станке токарном, и в кузне, и приварить что, и мотор откапиталить. А в уборочную на техничке – так сам же и за рулём. Да, ещё странность за им была: ни гвоздя из гаража, ни зёрнышка с поля, – никогда не та-

щил, не то, что наши... Опять же: мы с ём соседи почти, евоный дом через двор от моего, а за всю жизнь он ни разу ни о чём попросить не пришёл. Прислали его к нам на поселение, после лагеря, когда я в армии служил. А дочка-то, Наталья, у него поздняя, моим внукам ровня, хотя он сам-то много старше меня был.

«Но зачем ты её на ферму? – спрашиваю. – Мои-то, все четверо, в город умотали, возвращаться даже и не думают». Тут-то он мне и приоткрылся. «Ты думаешь, что душа человека чище, чем вода в нашем пруду? Бывает так, что дерьма там куда больше, чем в самом засранном коровнике. Я же, Володя, – говорит, – деревенский сам. И думаешь, чего мне в окопах да лагерях больше всего хотелось? Представляю себе, как вечером коровка наша, Красуля, приходит со стадом, а я ей ломоть хлеба с крупной солью с ладони скармливаю и глажу её. А потом, когда мать подоит её, ковшом черпаю молоко прямо из подойника, с пеной. И пью, пью, пью... Картина эта, покуда сюда не приехал, так из ума и не выходила. Вижу её во сне и плачу. Так-то, брат»...

«И как же тебя в лагерь-то угораздило?» – спрашиваю.

«Угораздило... Меня в мае сорок первого призвали... А как война началась, я уже на фронте оказался. Привели нас на линию обороны, заставили окопы рыть... На отделение – одна винтовка с пятью патронами. Винтовка у сержанта. Рассчитал он всех по номерам. Оружие, говорит, подвезут завтра. А пока, если меня убьют, винтовку возьмёт номер два. Убьют номера два, винтовку возьмет номер три. И так до конца. Мой номер был восьмой. Он и не понадобился. На следующее утро наша часть попала в окружение. Немец на бруствере встал и командует: «Хенде хох, рус! Шнель, шнель!» А сам автоматом качает: вылезай, мол, из окопа и к дороге, где всех в кучу сгоняли. Потом плен, лагерь, угольная шахта... До того мне всё обрыдло, не пересказать... А тут вербовщики. Российская освободительная армия – РОА. Ну, мы с дружкой и кинулись туда – мысль-то простая: нам бы до линии фронта, а там уж сообразим, как к своим перебежать...

Ну, в казарме у немцев порядок: обмундирование, муштра, уставы... В казарме комнаты по десять человек. Выдали записные книжки, чтоб каждый обо всех написал, с адресами, мол, если кто жив останется, то родным сослуживцев весточку пошлёт. А дума-то одна – скорей бы на фронт. Дождались. В ночь перед отправкой объявляют тревогу. Опять же, по десять человек сажают в грузовики. Привезли к какой-то стене. У стены – двое наших пленных с кубиками в петлицах. Нам раздали винтовки и по одному патрону. Построили. Офицер объясняет: «Это командир и комиссар Красной Армии. Стрелять по команде. Кто будет стрелять мимо, станет к стене сам». Я глаза скосил назад – там два десятка автоматчиков наизготовку. Расстреляли. И сами же закопали тут же. Вот тогда-то я понял, что дороги домой у меня больше нет.

Потом уже, в нашем лагере, следователь пытал меня: «За что ордена немецкие, за что в лейтенанты произвели?» «Да никакой я не герой, гражданин следователь, – отвечаю. – Я же под пулями смерть свою искал. А она, видишь как... Ни одной царапины за всю войну...

А Красуля наша, да тот ковшик с молоком парным, так видением за мной и шли... Тогда-то и дошло до меня, что не человек себя человеком делает, а делает его человеком коровка. Вот и прошу тебя за дочку свою. Хочу, чтоб человеком стала. Возьмёшь девчонку на ферму?» «Возьму, Семён». «А если я раньше помру?» «Всё равно возьму». «Обещаешь?» «Обещаю». «Ну, лады... Только ты о моём прошлом... Пусть между нами останется... Мне и без того людям в глаза смотреть тошно»...

Семён, и вправду, не долго после прожил. В то же лето и умер. По-людски. Сходил в баню, надел бельё новое, лёг и умер. Похоже, заранее смерть свою учуял, раз передо мной исповедался...

А тут растащилка пошла, фермерство. Землю – на паи, технику – кто больше утянет...

И никто из фермеров даже подумать не мог, что хлеб будет дешевле не сеять, чем сеять, коров дешевле не доить, чем доить...

Я-то на пенсию пошёл, на ту беду и годы подъехали, да и бессилие... Отвернулся просто, чтоб горе не видеть...

А вот Плотников отвернуться не смог. Запил, да крепко. «Я, – говорит, – офицер, меня воспитали так, что верховные командиры не могут быть предателями, а они нас предали. И что сейчас делать – не знаю». Так и умер – от сердца. Жена пришла домой на обед, а он лежит в кладовке, и стакан разлитый рядом. Минуты не хватило, чтоб похмелиться. Вот судьба... А какой крепкий мужик был...

Как он помер, коров-то сразу на мясокомбинат свезли. А ферму за зиму растащили, кирпичика не оставили. Что за народ?

А мне всё чаще мысль приходит: прав был Семён, когда говорил, что человека человеком коровка делат. Прав. Потому как без коровки ни деревни, ни всего народа нашего не будет. А будет одна лишь бессонница...

Иду из магазина, а ноги, хоть и зима, сами собой, по привычке, крюк делают к тому месту, где коровник был. Щас на том месте, да и на всём скотном дворе, конопля выше меня ростом.

Я уже заметил: конопля в диких местах если и растёт, то не особо, а всё норовит на пожарищах, да где разруха, где горе было. Не зря в ней наркоманы, как мыши, всё лето шуршат – тоже горе себе промышляют...

...Наталья Видьманова с пакетом идёт. Статная, красивая, в отца... А вот одна, ни мужа, ни детей... Идёт, глаза приопустила, а сама-то – взглядом по сторонам так и стреляет: зырк-зырк... Будто рукавички потеряла. Но я-то вижу что не рукавички она потеряла, а самуё себя.

Подошла поближе: «Здравствуйте, дядя Володя!» «Здравствуй, – говорю, – Наташенька!»

А по самому сердцу скребёт досада безысходная: обещал ведь Семёну девчонку евонную на ферму взять. Обещал...

Сколько же таких Наташенек по нашей стране с разорёнными фермами себя потеряли?

Сёдня опять без водки не усну. И на кого здесь жаловаться?

Николай Подгурский
март 2015 г.
г. Красноярск